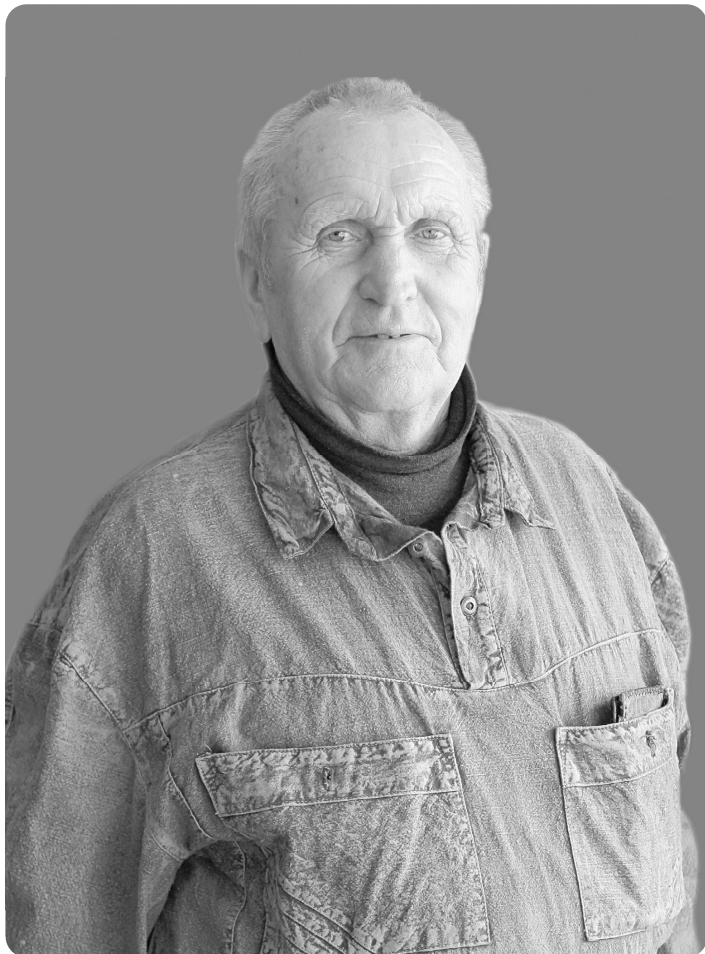

«Скажи, что ушёл на охоту...»

Он приходил в редакцию, отдавал два-три листочка со стихами и тут же уходил. Не раз я предлагала написать материал о нём и слышала – нет, не надо, зачем... Борис Павлович Кузнецов умер 20 августа, в субботу. А его дочь мне позвонила только в понедельник – зачем, мол, людям выходные портить таким печальным известием... Вот такие они, Кузнецовы. Добрые, умные, деликатные.

Борис Павлович родился в 1936 году в Новокузнецке, окончил СМИ, работал в мартене нашего Гурметзавода. Но мы-то Бориса Павловича знали как поэта, более того – считали мэтром гурьевской поэзии. Не по возрасту – по стихам. Первые стихи он написал в школе, они увидели свет в газете «Гурьевский рабочий».

Стихи Бориса Павловича публиковались в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Земляки», «Кузнецкий рабочий», «Советский воин», «Знамянка», «Наш город», «МК в Кузбассе», в сборниках «День поэзии», «Молодые голоса», «500 песен о любви», «Свидание с природой», «Все мы чуточку поэты», «Это наша Победа», «Светлая даль», «Родники любви», «Синий

плёс», «Весна-блондинка». Есть его стихи во «Всекузбасской книге памяти», есть персональная страница на Литературной карте Кузбасса.

В 2014 году вышла в свет первая книга Б. Кузнецова «Стихи и проза», сегодня их – с тем же названием – пять. Мысль, юмор – всё переплетается в его произведениях, каждое хочется читать и перечитывать...

В этом году Борис Павлович не приходил в «Литературный салон». Михаил Викторович Шкабарня к первой после каникул встрече заехал к нему. Борис Павлович сказал: «Не поеду. Уже не вижу, не слышу... Скажи, что ушёл на охоту!»

Татьяна КОПЫТОВА

БОРИС
КУЗНЕЦОВ

Баллада о голубиной улице

Эта улица над долиною
Распалась змеей по горе,
А звалась она Голубиною –
Голубятня в каждом дворе.
Жили здесь соловьи-разбойники,
Верхолазы и свистуны,
Охранители беспокойные
Голубиной лихой старины.
Голубей покупали и крали,
Брали ставкой в картёжной борьбе.
Здесь земля на оси не вращалась,
А крутилась вокруг голубей.
Иногда, заработать мечтая,
Кто-нибудь в голубином краю
Подпуживал в подлетевшую стаю
Молодую голубку свою.
Обладая кокетством и статью,
Как задумано было, легко
На хозяйскую голубятню
Приземляла она чужаков.
Начинались угрозы и выкупы,
Уговоры и мордобой,
Завершалось совместной выпивкой,
Клятвой в дружбе и мировой.
Годы, временем заметённые,
Не оставили память о том:
Свистуны, соловьи прилётные,
Шест берёзовый с лисьим хвостом.
Беготня по тесовым крышам
С белоснежной голубкой в руках.
Стая выше, выше и выше,
Вот и скрыли её облака.
В час, когда фронт затребовав ратников
Для победы в великой войне,
Увезли поезда голубятников
Без билета в обратный конец.
А от холода и от голода,
От бесхозности горьких лет
Перестали плодиться голуби
И сошли, наконец, на нет.
Избы окнами грязными шурлились,
В небе вороны каркали зло,
Вот тогда Голубиная улица
Уронила в траву букву «О».
И сейчас, как на встречу с любимой,
От нелегкого бытия
Шёл я к улице Голубиной,
А пришел на Глубинную я.
Огороды в дремоте полевой,
И домишки – наперечёт,
А по улице, по Глубинной,
Девка крашенная идёт.
С нею парень, волосы длинные,
И спросил я у паренька:
– Почему зовётся Глубинная,
Здесь ни речки, ни озера?
Равнодушно парнишка ответил,
Как о чём-то, не о своём:
– Мало ли дураков на свете,
Так называли, так и живём.

Синий плес

Приехал друг из суетной столицы,
Ему бы у меня остановиться,
Но он снял номер в дорогой гостинице
И мне звонит:
— А я к тебе. С гостинцами!
Мы с ним сидели в скучном ресторане
В прицеле двух раскрашенных особ.
Официант нас проофицианил,
В уме прикинув собственный доход.
Оркестрик дул фальшиво и печально,
Бармен за стойкой рюмки протирал...
Всё было так навязчиво банально –
Какой-то надоевший сериал.
И друг мой неожиданно ответил
На неозвученный ещё вопрос:
– Давай с собою заберём всё это
И на такси махнём на Синий плес!

Мы со стола собрали без смущенья
Бутылки все, да и закуски все.
И мы берём такси,
Мы мчимся в темень
По от росы блестящему шоссе.
Для мощного мотора путь недалёкий,
И вот он перед нами – Синий плес.
Такси уходит, высветив прощально
Стволы растущих вдоль шоссе берёз.
За сопками сгорел вчерашний вечер,
Слышнее стали разговоры вод,
Бесшумно кто-то ввинчивает свечи
В не видимый для взора небосвод.
И здесь для нас, в сырой траве стоящих,
Не находящихся от восторга слов,
Ударили оркестры настоящих,
Разноголосые звонких соловьёв.
А под обрывом у речной излуки,
Тревожа всплеском дрёму камыша,
Там настоящая, живая щука
Гоняла настоящего ерша.
Взметнулось пламя ярко и игриво,
Слетелись сотни мошек на огонь...
Мы пьём коньяк французского разлива,
По запаху и крепости фальшивый,
Норвежской сёмгой заедая вонь.
Друг говорил, что недалёк тот час,
Земля взорвётся в справедливом гнев,
И ей, планете, наплевать на нас,
Стремящихся возвыситься над нею.
И что в столице, корыстью смердящей,
Порою изводил себя до слёз,
Представив тишину, костёр слепящий,
Свист соловьёв и тихий Синий плес.
Не все мы перечислили проблемы,
Дороги детства обошли не все.
Костёр погас, нас обогнало время,
И мы идём по влажному шоссе.
Кричит кукушка, от любви страдая,
Не спит барышня, хотя повсюду мгла.
Бутылку на ходу передавая,
Мы водку горькую глотаем из горла.
Лихой водитель полуночной «Лады»
Затормозит:
– Садитесь, алкаши!
А мы ответим:
– Нам туда не надо.
Спасибо, друг!
Мы в прошлое спешим!

Звезды

Он звёзд с небес не доставал,
Не понимал:
– А надо ли?
Он только шапку подставлял,
И звёзды в шапку падали.
Мела весёлая пурга
И веселила душу,
Но шапку тяжело таскать,
К тому же мёрзли уши.
На перекрёстке трёх дорог
При сумрачном рассвете
Он звёзды высыпал в сугроб,
А место не приметил.
Поступков наших череда
Порой не в нашей власти,
Пришли беда да не беда,
Хотя и не несчастье.
Стараясь отогнать беду,
Вернуть бывшее чтобы,
Решили он отыскать звезду.
Зарытую в сугробе.
Но здесь ему не повезло,
Всё стало так непросто:
И перекрёсток замело,
И где тот перекрёсток?
Какой тропой он шёл тогда,
Весёлый и усталый?
Он шапку снял,
Чтобы звезда
Опять в неё упала.
Хрустел снежок, светил восход
Сквозь пелену метели.
А звёзды вмерзли в небосвод
И падать не хотели.